

Мирхаев Рифат Фирдинатович
Академия наук Республики Татарстан,
Институт языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова
УДК 81-114.2+84.512.145

Арабские заимствования в языке татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв.

*язык татарской просветительской прозы, арабские заимствования,
социальная маркированность, функциональный аспект,
семантические коннотации*

На протяжении многих веков арабские заимствования играли важную роль в развитии татарского языка. Они прослеживаются во всех его подсистемах. Однако наиболее заметно данные единицы выступают в письменно-литературной форме в период со второй половины XVI в. по начало XX в. Этим и обусловлен интерес к ним со стороны исследователей истории татарского литературного языка, в трудах которых изучаются языковые особенности старотатарских письменных текстов предшествующих эпох [Григорьева 1988: 52-55; Кадирова 2001: 120-125; Миннуллин 2012: 99-101; Мөхәммәдиев 1991: 35-39; Нуриева 2004: 137-138, 171-173]. Несмотря на сказанное, социолингвистические аспекты их бытования в различные периоды, в частности проблема социальной маркированности этих единиц, которая является одной из общетеоретических вопросов истории татарского литературного языка, требующих дальнейшего изучения [Бәширова 2012: 45-49], остаются все еще не изученными. Принимая во внимание данное обстоятельство, в рамках настоящей работы была поставлена цель исследования арабских заимствований в языке татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв. на предмет их социальной маркированности. Язык, зафиксированный в произведениях представителей указанного литературного направления, рассматривается нами как социальная страта татарского общенационального языка, сложившаяся в результате деятельности этих лиц.

По мнению ученых, социальная обусловленность употребления языковых единиц в той или иной сфере, кроме материального плана, находит свое отражение в функциональном и семантическом аспектах [Функциональная 1985: 5; Современный 2003: 95]. Данный фактор определил общую направленность нашего исследования: в нем основное внимание было уделено особенностям бытования лексических единиц арабского происхождения в языке татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв. и изменениям в их значениях, произошедшим в результате употребления данных слов в новых контекстах. В качестве источника было взято произведение М.Акъегета «Хисаметдин менла» (1886), которое считается первым романом, первым образцом художе-

ственной беллетристики на татарском языке. В языковом плане для него характерно переплетение художественной составляющей с публицистическим и научным началами, что позволило нам рассмотреть особенности функционирования исследуемых единиц в различных функциональных стилях.

В историческом плане арабские заимствования имели место на всех этапах развития татарского письменно-литературного языка и в той или иной степени представлены во всех старотатарских источниках. Однако в конце XIX – начале XX вв. рамки их употребления заметно расширяются, в семантическом плане они обогащаются дополнительными коннотациями, кроме этого, активизируются и выступавшие до этого спорадически лексемы. Все это было обусловлено проникновением татарского языка в новые для него общественные и социальные сферы, что привело к определенным сдвигам в его функциональной парадигме [Мирхаев 2015: 49-53; Мирхаев 2016: 141-143].

В плане расширения семантики данных лексических единиц примечательно употребление автором рассмотренного нами произведения слов и словоформ арабского происхождения, традиционно функционировавших до рассматриваемого периода в религиозных текстах, в иных контекстах, а именно в художественной и публицистической. Так, например, в романе наблюдается использование эпитетов Всевышнего, посредством которых выражаются его атрибуты, в частности, таких как *Галим* 'Всезнающий' и *Нур* 'Просветляющий (Свет)' в описаниях портретов главных героев. При этом они приобретают дополнительные, в определенной степени образные, коннотации мирского характера. Это 'образованный, просвещенный и ученый человек' для *галим* и 'приветливый, светлый' для словоформы *нурлы*, произошедшей от *нур*: *Нурлы вә күк күзләре сәтра бәсәтра сәхифәйе йөгереб кичейурлар* 'Светлые и голубые глаза пробегали строка за строкой по странице' [Акъегет 1886: 4]; *Бу тап шул Хисаметдин менла, кангысыны бән сезә бик галим дийеб сөйләдем* 'Это тот самый Хисаметдин менла, о котором я вам рассказывал, как об очень ученом человеке' [Акъегет 1886: 7].

Как уже было сказано, расширение сфер употребления татарского языка в рассматриваемый период активизировало в нем новые лексические единицы, в том числе и арабского происхождения. В этом плане произведение М.Акъегета характеризуются широким употреблением общественно-политической лексики. Не имея возможности охватить в рамках настоящего исследования весь спектр данных единиц, мы остановились на синонимическом ряде, который включает в себя слова *әһали* 'население', *халык* 'народ', *милләт* 'нация', *казем* 'племя'. Как показывают данные электронного фонда словарей татарского языка [<http://suzlek.antat.ru/indexR.php>], их всех объединяет общность семы 'устойчивый человеческий коллектив, объединенный внутри определенных пространственных границ на основе языковых, культурных, эконо-

мических и др особенностей'. При этом за каждым из них закреплена отдельная сфера употребления, что находит отражение и в рассмотренном нами источнике. Так, например, слово *әһали* 'население' используется в своем основном значении, которое в зависимости от контекста конкретизируется соответствующими лексическими единицами. В сочетании с ними рассматриваемая лексема обозначает определенные социальные прослойки населения, а именно сельских и городских жителей: Карйәнең әһалисе ике йөз әв кадәр улыб, – 'Население села насчитывало около двухсот домов, –' [Акъегет 1886: 2]; Шәһәремезең һәммә әһалисе мәзкүр мәүкифә тупланмышлар 'Все население нашего города собралось в указанной станции' [Акъегет 1886: 41].

Значение 'население' в тексте передается и посредством формы множественного числа слова *халык* 'народ'. В этом случае наблюдается своего рода семантическое замещение первой лексемы второй: Ләкин чук халыклары башка шәһәрләрә, мәсәлән, Әстерхан, Растуф, Казан кебиләрә эш вә тижарәт ичүн дагылырлар 'Однако большинство населения (села), для работы и ведения торговли расходились в другие города, например, в такие как Астрахань, Ростов, Казань' [Акъегет 1886: 2].

Но в основном данное слово используется автором в романе для обозначения временных групп людей: Мәсәлән, халыкдан бересе кадынлар алмак хосусында сорашдыкда – 'Например, когда один из людей (собравшихся за столом) спросил о женитьбе на женщинах, –' [Акъегет 1886: 11]; Халыкның диккәте тупланмасын дийә – 'Чтобы не привлекать внимание людей (прогуливавших на улице) –' [Акъегет 1886: 20]; Күп халык платформага чыкыб – 'Многие люди (собравшиеся на станции) выйдя на платформу –' [Акъегет 1886: 42] и т.д.

Далее слово *халык* было зафиксировано нами в сочетании с названием *Аурупа* и в значении 'нация': Бундан бөйлә Аурупа халкындагы, мәсәлә, инглиздәге кеби улмайыб, исламларың кәсебкәрлеге вә һөнәркәрлеге бик ашагы вә түбән дәрәжәдә имеш 'Поэтому сноровка к торговле и ремесленному делу у мусульман на очень низком уровне, не как у других наций Европы, например, как у англичан' [Акъегет 1886: 22].

Здесь следует отметить, что слово *халык* не представляло собой новое явление в старотатарском письменно-литературном языке, однако его использование в указанном значении в контексте общественно-публицистического характера позволяет интерпретировать его как социально маркированную лексическую единицу. Такой же, по нашему мнению, является и лексема *милләт* 'нация, национальность', в семантику которой М.Акъегет закладывает политический смысл: Олуг Петро милләтендән бәһалы бер шәй белмәз иде – 'Петр Великий ничего ценнее не знал кроме своей нации –' [Акъегет 1886: 31]; Бақыңыз башка милләтләрә, эстәр франсызлара, эстәр нимсәләрә, – 'Посмотрите на другие нации, хоть на французов, хоть на немцов, –' [Акъегет 1886: 46].

В источнике в совершенно новом контексте выступает и традиционная для старотатарского письменно-литературного языка лексема *кавем* 'племя'. Употребляясь в одном ряду со словом *милләт* 'нация, национальность', а также с лексическими единицами *матбугат* 'печать, пресса', *һөнәркәр* 'искусный к ремесленному делу' и *зыйаланмак* 'просвещаться, стать просвещенным', она также приобретает новые семантические оттенки, которые в полной мере реализуются в публицистических отступлениях: Бер инсана нотык вә дел никадәр кирәк исә, чук инсанлара йәгни бер милләтә, бер кавемә матбугат ул дәрәжә кирәкдер 'Насколько нужна одному человеку речь и язык, в такой же степени нужна многим людям, то есть одной нации, одному племени, и печать' [Акъегет 1886: 6]; Һөнәркәр вә мөгълүматлы кавем улмак, элбәттә, йахшыдыр, ләкин татар милләте һөнәркәр була алмаз 'Быть искусным к ремеслам и осведомленным племенем, конечно, хорошо, но татарская нация никогда не сможет стать искусным к ремеслам' [Акъегет 1886: 45]; Зыйаланмага истигдадлы бер кавемдер 'Способная к просвещению племя' [Акъегет 1886: 46].

Таким образом, как показало наше исследование, арабские заимствования, имевшие место в старотатарском письменно-литературном языке на всех этапах его развития, в том числе и в рассмотренном нами периоде, являются своего рода маркерами проявляемой как на материальном, так и на функциональном и семантическом уровнях социальной стратификации татарского общенационального языка, в частности его письменно-литературной формы.

Литература

Акъегет М. Хисаметдин менла. Милли роман яки хикәя / М.Акъегет. – Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1886. – 70 б.

Бәширова И.Б. Татар әдәби теле тарихы. Гомумтеоретик мәсьәләләр / И.Б.Бәширова. – Казан: ИЯЛИ, 2012. – 255 б.

Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур: лексика / Э.Х.Кадирова. – Казань: РИЦ: «Дом печати», 2001. – 232 с.

Миннуллин Б.К. Арабо-персидские и турецкие заимствования в языке татарской периодической печати начала XX века / Б.К.Миннуллин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 6 (17). – С. 99-101.

Мирхаев Р.Ф. Система форм существования татарского языка в конце XIX – начале XX вв. / Р.Ф.Мирхаев, И.Г.Гумеров // Филология и культура. – 2015. – № 1 (39). – С.49-53.

Мирхаев Р.Ф. Языковая ситуация в татарском обществе конца XIX – начала XX века / Р.Ф.Мирхаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – №12. Ч.3. – С.141-143.

Мөхәммәдиев М.Г. Ш. Камал прозасының теле / М.Г.Мөхәммәдиев. – Казан: СССР ФА КФУ Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институты, 1991. – 135 б.

Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф.Ш.Нуриева. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. – 376 с.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / А.В.Занадворова, Е.В.Какорина, М.В.Китайгородская и др.; отв. ред. Л.П.Крысин. – М.: Языки славян. культуры, 2003. – 565 с.

Функциональная стратификация языка / [М.М.Гухман, Н.И.Толстой, В.А.Чернышев и др.]; отв. ред. М.М.Гухман. – М.: Наука, 1985. – 240 с.

Электронный фонд словарей [электронный ресурс]. – URL: <http://suzlek.antat.ru/indexR.php>.